

УДК 1:(091)

ПОНЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА**THE CONCEPT OF SPACE AND TIME IN THE PHILOSOPHY
OF IMMANUEL KANT****Т.В. Торубарова****T.V. Torubarova**

*Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Россия, 105005, Москва, ул. 2-я Бауманская, 5; Курский государственный университет, Россия, 305000, Курск, ул. Радищева, 33
Bauman Moscow State Technical University, 5 2nd Bauman St, Moscow, 105005, Russia
Kursk state university, 33 Radishcheva St, Kursk, 305000, Russia*

E-mail: ttorubarova@rambler.ru

Аннотация. В статье осуществляется метафизическое истолкование понятий пространство и время в философии И. Канта. Раскрывается суть учение Канта о пространстве и времени как чистых формах чувственного созерцания и как методе указания на существование некоторой внелогической (или дологической) базы наших мыслительных операций, в том числе и тех, посредством которых вводятся понятия пространства и времени. В этой связи, особая роль отведена трансцендентальному представлению.

Resume. The article made a metaphysical interpretation of the concepts about space and time, in the philosophy of Immanuel Kant. Reveals the essence of Kant's doctrine of space and time as pure forms of sensible intuition as a method to indicate the existence of some illogical (or prelogical) base of our mental operations, including those by which the notions of space and time. In this regard, a special role is played by the transcendental representation.

Ключевые слова: чувственность; пространство; время; трансцендентальное; представление.
Key words: sensuality; space; time; transcendental; representation.

Пространство и время относятся к числу ключевых метафизических констант фундаментального дискурса классической новоевропейской философии и так или иначе определяющих вариативную ткань концептуальных построений ведущих мыслителей эпохи. Особое место в этом ряду, вслед за Р. Декартом, принадлежит И. Канту. В одном из главных своих трактатов «Критике чистого разума», а именно, в «Трансцендентальной эстетике», он дает метафизическое истолкование понятий пространство и время. Трансцендентальная эстетика – это наука об априорных принципах чувственности, к коим он относит пространство и время. «Пространство и время, вместе взятые, – пишет Кант, – суть чистые формы всякого чувственного созерцания...» [Кант 1994, 77].

Во многих местах первой «Критики» встречается утверждение, что наши категории не были бы применимы к миру, если бы пространство и время не были бы только субъективными, то есть идеальными в глобальном смысле слова. Категории регулируют объективное познание мира. Мы можем объективно познавать мир потому, что мы субъективны в пространстве и времени или потому, что пространство и время субъективны. Они субъективны в том смысле, что в начале познания лежит некоторое эмпирическое пространство и время, которое дано именно нам, причем наглядно и очевидно, а не в миру. С помощью пространства и времени мы как бы втираемся в мир. Кант называет пространством и временем некоторый конечный вид анализа и синтеза, который скрыто сопровождает выполнение актов мысли и применений понятий. Акты мысли выполняются не бесплотным, а физическим существом и выполняются пространственно-временным действием, то есть таким актом, действием, который уже сам имеет пространственно-временной характер, независимо от того, что мы знаем о пространстве и времени и какие понятия мы о них построили. В отличие от божественного созерцания физическое познающее существо локально ограничено, то есть оно, всякий раз, локализуемо в пространстве и времени, и оно само с его естественными приспособлениями есть пространство и время мысли. Термины «пространство» и «время» относятся у Канта, прежде всего, к познающему действию и указывают на пространство и время познавательного

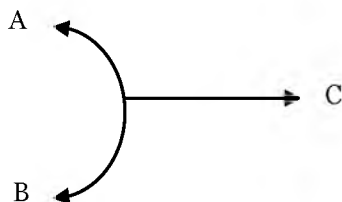

действия, выполняемого не богом, а конечным физическим существом. Пространство и время заданы этому существу наглядно. Они не суть понятия, а суть схемы чувственного созерцания. Как говорил Кант, пространство и время суть «единичные представления», а не общие дискурсивные, рассудочные понятия. «Пространство, время и все части их суть *созерцания*, следовательно, единичные представления, содержащие в себе многообразное... стало быть, они суть не простые понятия, когда одно и то же сознание содержится во многих представлениях; напротив, они состоят из многих представлений, соединенных в одном и том же сознании, стало быть, они сложны и, следовательно, единство сознания существует в них как *синтетическое*, но все же первоначальное. Эта их *единичность* очень важна в применении» [Кант 1994, 130]. «Единичные представления» – это такие, которые задают индивида, содержащего в себе все свои свойства. Они задают индивида наглядно в отличие от понятий, которые дискурсируют свойства, общие многим, принадлежащие множеству предметов. Значит, пространство и время – это не понятие, а единичные представления, формы созерцания. Кант говорит: «...что качество пространства и времени, сообразно с которым, как условием их существования, я их полагаю, зависит от моего способа созерцания, а не от этих объектов самих по себе» [Кант 1994, 85-86]. «То есть «первоначальное» пространство и время свойственно субъекту, а не миру. В «Трансцендентальной эстетике» излагается не учение о пространстве и времени как объективных характеристиках мира. Есть минимум два смысла, в которых мы употребляем понятия пространства и времени. Это, во-первых, всякое пространство и время, охватывающее все пространства и времена. Во-вторых, есть какое-то данное, конкретное, случайное, эмпирическое пространство и время. В «Трансцендентальной эстетике» Канта совершается не построение понятий пространства и времени вообще, а анализ свойств некоторого данного, случайного, конкретного пространства и времени. Это случайно устроенное пространство и время есть пространство и время восприятия и мышления человеческого субъекта, пространство и время как некоторый конечный анализ и синтез, сопровождающий акты мысли и выполняющий актуально их содержание. Анализ и синтез совершаются во времени, в заданное время. Ведь человеку всегда отведено «определенное время». Анализ и синтез совершается в пространстве, в пространстве движения, скажем, движения по построению геометром конструкции предмета. В этом разделе учения Канта строятся не понятия пространства и времени вообще, а рассматриваются свойства некоторого конкретного вида пространства и времени. Термины «пространство» и «время» описывают язык созерцания, но их нет в самом языке – объекте. Как отмечает М.К. Мамардашвили: «Ухваченное в категориях количества, причины, скорости, места, времени – это и есть мир, реальный. Но, конечно, это является реальным миром на определенных условиях. Поскольку первое: должна быть форма, и второе: должны также быть индивиды, то есть индивидуирующие мир созерцания... В этом смысле наши категории – пространства, времени, причинности – пронизаны неким внутренним элементом стихии... Все пронизано связностью наших в языке употребляемых категорий. И эту реальность, которая есть в себе, нужно устранить как предмет, чтобы высвободить познавательные возможности восприятия человека» [Мамардашвили 1997, 99]. Кант все время подчеркивает, что пространство и время – это не понятие, а схемы или формы созерцания. Переходя к «Трансцендентальной дедукции категорий», Кант замечает, что «априорное и идеальное пространство и время» «даже не знания». То есть то, что априорно и идеально, по Канту, не является вообще знанием: «...а становятся условиями возможности всякого познания предметов: ведь явления могут быть даны в созерцании и без функции рассудка» [Кант 1994, 120]. Всякая геометрия задает некоторую структуру пространства, то есть некоторое представление о пространстве в знании. Но то, что у Канта называется априорным пространством и временем не есть знание. Поэтому открытие неевклидовых пространств, развитие неевклидовой геометрии не опровергает философского учения Канта об априорности пространства и времени, которые не являются даже знанием, задающим какую-то структуру миру. Учение Канта о пространстве и времени – это метод указания на существование некоторой внелогической (или дологической) базы наших мыслительных операций, в том числе и тех, посредством которых вводятся понятия пространства и времени. У Канта пространственно-временным ограничениям (то есть «субъективности и идеальности пространства и времени») подчиняются все понятия, в том числе и понятия пространства и времени. К проблеме пространства и времени Кант шел от вопроса, кто мыслит и что случается тогда, когда акт мышления, содержание которого должно быть задано через порядок идеального мира, выполняется конечным человеческим существом. В модусе идеального мира понятия свободны от пространственно-временных ограничений. Идеальные и абстрактные объекты свободны от всех

ограничений, которые будут накладываться на них тем фактом, что они мыслятся конечным человеческим интеллектом. Значит, существуют такие проблемы, что все и всякие понятия мыслятся все-таки конечным физическим существом, и у самого этого существа (а не у внешнего мира) есть некоторое эмпирическое пространство и время, то есть пространство и время актуального мышления понятиями. В этом случае понятия, включая понятия пространства и времени, будут жить в другом модусе, в модусе того пространства и времени, в котором эти понятия выполняются и сознательно применяются некоторым ограниченным и конечным сущим. Кант пытался максимально извлечь последствия из того факта, что ведь любые понятия кем-то мыслятся и мыслятся в пространстве и времени этого кто-то. Такие пространства и время даны ему независимым образом как формы созерцания.

Учение Канта о пространстве и времени направлено на то, чтобы выявить некоторую внелогическую (или дологическую) основу познания. Как отмечает М.Хайдеггер в своем труде «Кант и проблема метафизики»: « «Трансцендентальная эстетика» имеет задачей выявление онтологического $\alpha\iota\omicron\theta\eta\tau\iota\varsigma$ 'а, который делает возможным "априорное раскрытие" бытия сущего. Поскольку в любом познании первенство сохраняется за созерцанием, то мы установили «одну из необходимых частей для разрешения общей задачи трансцендентальной философии» [Хайдеггер 1997, 28]. Кант обращает внимание на скрытый анализ и синтез уже в простом акте созерцания. Он обращает внимание еще на том, что нашему познанию предшествует действие наших естественных приспособлений, то есть они несводимым и независимым от познания образом должны приводиться в действие при восприятии и познании. Этими естественными приспособлениями являются поворот головы, движения глаз, руки (пространство) и смысл восприятий (время). Например, изменение, состоящее в смене восприятий, есть процесс, не зависящий от нас, это совокупность естественных приспособлений, данных нам природой, не нами построенных. Мы приводим их в действие в актах мышления и рассуждения. Это значит, что если я могу показать, например, что какая-то пространственная локализация предшествовала любому содержанию какого-либо определения объекта в мире, то есть показать факт некоторого использования пространства в естественных приспособлениях восприятия, посредством которого человек определил объект вне себя, то это означает, что я оперирую в познании, имея или уже присоединяя к нему дологическую, наглядно данную основу познавательных операций, целого которых, может быть, например, и установление пространственных и временных характеристик какого-то события или объекта в мире [Heidegger 1982].

Скажем, мы анализируем зрительное восприятие. Если я могу показать, что локализация некоторого С в этом пространстве осуществилось так, что скрыто, не эксплицируемо в самой этой характеристике, полагается условие $A \leftrightarrow B$ движений глаза, поворота головы и т. д., то я тем самым как бы уже имею в некоторой дологической основе определенные предикаты, которые затем в своем рассуждении по отношению к миру я приписываю событию в мире. Но предикат уже функционирует в моем собственном естественном устройстве. Так же, как и предикат времени, который я приписал внешним событиям. Ведь если при этом использовались мои естественные приспособления, то есть факт смены восприятий, то предикат времени тем самым уже использовался. В этом смысле пространство и время есть некоторая внелогическая или дологическая база познания. Вот о каком пространстве и времени идет речь у Канта. Он как бы говорит: если мы имеем такую ситуацию, значит, понятия пространства и времени относятся к особой категории понятий, категории неопределенных понятий, то есть таких, которые нельзя определить независимым образом. Я не могу ввести никакие понятия пространства и времени, совершенно независимое от того, чтобы в средствах моего введения этого понятия уже не использовались бы сами пространство и время. В «Трансцендентальной эстетике» анализируются не понятия пространства и времени, а само пространство и время. Таким образом, понятия пространства и времени не могут быть определены независимым образом, так как в средствах определения понятий мы уже будем предполагать то, что еще подлежит определению. Это логический круг. Чтобы ввести понятие пространства вообще, мы уже должны иметь пространство, данное нам как наглядное созерцание. «Кант приписыв-

ваает пространству свойство быть нашим субъективным (субъектным) представлением: ведь речь идет об эксперименте чистого разума, предметом которого является «образ» предмета, а не сам предмет» [Длугач 2010, 209]. Чтобы ввести понятие времени, мы уже должны иметь предикат времени в некоторой внелогической или дологической основе нашего введения понятий, то есть иметь наглядное созерцание времени. И Кант говорит, что пространство и время является формой любого созерцания.

Итак, первый смысл – это не понятия пространства и времени, но само пространство и время, которые сначала «не принадлежат вещам, а принадлежат только субъекту». Пространство идеально в трансцендентальном смысле слова, и оно эмпирически реально, так как это некоторое конкретно данное пространство, одно из пространств, а не понятие пространства вообще, которое у Канта тоже есть. У Канта существует некоторое эмпирически данное пространство и время – это пространство и время действия познания, конечного анализа и синтеза. Это такие пространственно-временные многообразия, которые сами по себе не содержат никакой метрики для пространства и времени мира. Скажем, рассуждение об абсолютном пространстве предполагает существование чего-то, что является пространством само по себе, то есть оно как бы существует само по себе как какая-то сущность или предмет и, следовательно, обладает естественно присущей ему метрикой, например, эвклидовой. Но у Канта речь идет о пространстве субъекта, оно не обладает метрикой, задающей мир, и в этом смысле оно не априорно, а не о пространстве мира. Такое пространство и время не имеют априорной метрики, то есть метрики самой по себе. Они не есть вещь в себе, это не вещь сама по себе.

Вся сложность философских работ, подобных «Критике чистого разума» и выполненных на пределе доступного для человека напряжения мысли в том, что они содержат много слоев. Все, что говорил Кант о пространстве и времени нам приходится реконструировать. Мы должны сначала получить единицу утверждения. Механизм, который задает единицу знания или познания, Кант складывает по частям. Он говорит, что пространство и время – это даже не знания, то есть единица акта познания еще не дана. Мы должны иметь описание какого-то механизма, который давал бы единицу знания. Категории – это тоже не понятия, это пустые формы, которые не содержат в себе никакого априорного знания. Единица знания впервые появляется у Канта, когда он уже имеет пространство и время, имеет категории, когда все это прошло через трансцендентальный синтез воображения, через трансцендентальное единство апперцепции, и лишь тогда появляется образование мышления и познания, к которым применим термин «знание», и это Кант называет основоположениями рассудка. «Высшее основоположение, – пишет Кант, – о возможности всякого созерцания в его отношении к чувственности гласит в соответствии с трансцендентальной эстетикой, что все многообразное в созерцаниях подчинено формальным условиям пространства и времени. В отношении же к рассудку высшее основоположение гласит, что все многообразное созерцания подчинено условиям изначально-синтетического единства апперцепции. Все многообразные представления созерцания подчинены первому из этих основоположений, поскольку они нам даны, а также второму, поскольку они должны иметь возможность быть *связанными* в одном сознании, так как без этой связи через них ничто нельзя мыслить или познать, потому что в таком случае данные представления не имели бы общего акта апперцепции *я мыслю* и в силу этого не связывались бы в одном самосознании.

Рассудок есть, вообще говоря, способность к *знаниям*. Знания заключаются в определенном отношении данных представлений к объекту» [Кант 1997, 129-130]. То есть «единицу знания» Кант составлял очень сложными связями и способностью удержания в голове одновременно многих абстракций. Этой способностью обладал, кстати, и К. Маркс. Значит, основоположения рассудка являются у Канта также знанием. Все в мире происходит по закону причинных связей, существует взаимодействие тел и т.д., – это основоположения. До умственной конструкции понятия времени время дано нам наглядно в смене восприятий. И одно дело, когда время дано нам в субъективной смене состояний, и другое, когда «время так, как оно объективно в вещах». Здесь Кант уже отличает объективный порядок или последовательность от субъективного. Термины «время вообще» и «пространство вообще» у Канта могут применяться только тогда, когда мы говорим о некотором всеобщем, объективном порядке в мире, не зависящем от устройства нашей чувственности. Он разъясняет так: «Дедукция чистых рассудочных понятий (и вместе с тем всех априорных теоретических знаний) есть показ этих понятий как принципов возможности опыта, причем опыт рассматривается как *определение* явлений в пространстве и времени *вообще*, а это определение в свою очередь выводится из принципа *первоначального* синтетического единства апперцепции как формы

рассудка в отношении к пространству и времени, представляющим собой первоначальные формы чувственности» [Кант 1997, 151]. А пространство и время в смысле форм созерцания есть как раз устройства нашей чувственности. Понятия пространства вообще и время вообще Кант вводит после того, как он ввел физические связи, и вот через них он вводит эти понятия. Через структуру физических связей Кант задает структуру пространства и времени. Мы имеем право говорить о пространстве и времени мира лишь после того, когда мы уже знаем, что такое взаимодействие субстанций, что такое физические связи, каковы их структуры. У Канта та или иная структура пространства и времени есть следствие той или иной физики (механики Ньютона). Наконец, у Канта есть термины «абсолютное пространство» и «абсолютное время», но их он рассматривает как идеалы разума. Абсолютное пространство – это регулятивное правило рассмотрения физических явлений и процессов в пространстве, а не утверждение, будто есть какая-то вещь, называемая «абсолютное пространство». Это не есть понятия рассудка, которому через акты содержания может быть представлен предмет. Для понятия я могу (и должен) задать актами созерцания какой-то предмет и тем самым реализовать или разрешить понятия на эмпирической действительности созерцаемого предмета. Но когда я употребляю термины «бог», и «я», и «абсолютное пространство» и т. п., я не должен стремиться к тому, чтобы найти для них соответствующее созерцание, т. е. «реализовать» их на каких-то созерцаниях. Искать предмет для идеала запрещено. Кант не принимал Ньютоновское представление о пространстве как о некотором вместилище мира, которое было бы чем-то существующим само по себе и вмещало бы в себя вещи. Там, где для Ньютона абсолютное пространство есть реально выполнимое представление (т. е., по Канту, понятие, которому может быть задан предмет через какие-то акты созерцания), там для Канта только регулятивный идеал, необходимый в анализе связей, задаваемый через тип определенной механики, тип физических связей.

Кант называет пространство и время субъективными формами созерцания, но он постоянно предупреждает, что пространство и время не равны ощущению, они не «предпонятия», которые возникают на стадии чувственного отражения и тогда бы являлись какой-то формой знания. Они субъективны, но в ином смысле, чем ощущения. Это такой род субъективности, который при этом еще и объективен. У Канта представление стоит в ином ряду, чем ощущения или образ.

Наглядное, пространственное созерцание равнозначно возможности построения или конструирования предмета в пространстве.

В учении Канта о пространстве и времени есть еще один смысл, который состоит в том, что пространство и время – это как бы модели понимания. То есть для Канта на человеке и в человеке происходят такие процессы и явления, которые одновременно имеют место и вне человека. Они поддаются осознанию, то есть восприятию и пониманию изнутри. Пространство дано нам наглядно, мы можем его осознать, понять его изнутри, не анализируя извне как внешний предмет в мире. «Посредством внешнего чувства (свойства нашей души), – пишет Кант, – мы представляем себе предметы как находящиеся вне нас и притом всегда в пространстве. Представление не есть эмпирическое понятие, выводимое из внешнего опыта. В самом деле, представление о пространстве должно уже заранее быть дано для того, чтобы те или иные ощущения были относимы к чему-то вне меня...а также для того, чтобы я мог представлять себе их как находящиеся вне и подле друг друга, стало быть, не только как различные, но и как находящиеся в различных местах. Представление о пространстве не может быть поэтому заимствовано из отношений внешних явлений посредством опыта: сам этот внешний опыт становится возможным прежде всего благодаря представлению о пространстве» [Кант 1997, 64-65]. К любому предмету в мире мы подступаем извне. Но пространство и время, согласно Канту, даны нам первоначально на себе, причем так, что они доступны восприятию и пониманию изнутри. Но они и в мире. Следовательно, на себе мы можем понимать тоже самое, что и в мире. То есть пространство и время могут служить нам моделью, на который мы анализируем, воспринимаем и понимаем мир, лежащий вне нас. Это как бы общая основа, которая простирается и в человека, и в мир. Акты осознания этой основы на себе делают доступным и прозрачно-понятным для нас пространственно-временные отношения в мире. Мы имеем с миром как бы одну общую основу, общую меру или модуль понимания. Здесь оптимизм познания основан на некоторых допущениях философского умозрения. Познательный оптимизм гарантируется убеждением, что существует некоторая сращенность между человеческой субъективностью, с одной стороны, и строением мира, с другой. Человек своим устройством вписан в мир. Он вписан в устройство мира и своими формами созерцания, то

есть пространством и временем. Значит, пространство и время – это модели понимания. Кант говорит не о строении геометрии как науки, а о понимании геометрии. Мы понимаем геометрию, так как мы пространственны и временны. Кант не растворяет геометрию и математику в чувственности как в низшей ступени познания. Его не интересует вопрос, как строится логическая структура знания в геометрии. Его интересует вопрос, как строится наше понимание геометрических построений. Так как пространство и время суть формы созерцания, мы можем воспринимать геометрические образы непосредственно, и постижение их не требует от нас каких-то умственных или рассудочных конструкций. Отсюда особая обоснованность для нас математического знания. Пространство и время задают основания эмпирического познания. Познавать что-то можно лишь в том случае, если есть возможность это созерцать пространственно и временно. В Кантовском учении о пространстве и времени заключена вся проблема разрешимости понятий или проблема операционного задания образований сознания для постижения мира. Пространство и время суть представления. Мы можем мыслить и познавать мир в зависимости от того, можем ли мы его себе представить. Представить мыслимое, значит иметь возможность понять его. Мир как таковой не обязан держаться в границах нашего разума, которые определяются нашей возможностью что-то представить средствами нашего естественного устройства. Мир не обязан держаться в границах нашего ума, так как возможно множество логически мыслимых или возможных миров в смысле Лейбница; далее, человеческое устройство, его способность представления есть частный, случайный вид устройства, и мы не можем считать, что другие виды и способы представления исключены и логически не мыслимы. Допустима некоторая предельная форма интеллекта, который не нуждался бы в «последовательном применении меры» и в один миг мог бы обозреть все множество. То есть у него был бы другой способ представления. Он строил и охватывал бы множество в своем пространстве, какое в нашем смысле не является пространством. Можно допустить энное число способов представления, начиная от божества и кончая червем, которые неизвестным нам образом строили бы свои представления.

Говоря о чувственном созерцании, Кант постоянно повторяет: мое созерцание, мое человеческое созерцание. То есть человеческое созерцание он постоянно соотносит с какой-то иерархией возможных способов представлений. Его рассуждение как бы все время соотносится с лестницей существ, расположенных на разных ступенях этой лестницы в зависимости от способа представления: бог, человек, червь. У всех у них был бы разный способ представления – это первый шаг; второй шаг: любое познание мира осуществляется на основе того или иного способа представления; третий шаг: мир инвариантен относительно того, осуществляется ли это познание на основе божественного представления или человеческого, или червя, если допустить у последнего сознание. У Канта все время витает эта соотнесенность с лестницей существ, классифицирующих по различию способности представления [Heidegger 1958].

Значит, мы можем понимать мир (а не только мыслить его) в той мере, в какой мы можем представить и выполнить в созерцании мыслимое нами, то есть дать мыслимому нами некоторый созерцаемый эквивалент. Тогда мы можем понять это мыслимое. Скажем, нечто говоримое нам червем. Мы могли бы понять, если бы мы могли созерцательно нашими средствами выполнять предметами, к которым относится премудрость бога или червя. Если мы не можем получить или реконструировать эти условия, то мы не можем понять эту премудрость. Божественное знание нам невозможно сообщить без того, чтобы мы могли сконструировать некоторое условие независимого созерцания нами того, о чем говорит нам бог или марсианин. Итак, в представлении мы находимся в парадоксальной ситуации: с одной стороны, мир не зависит от способов включения в него какого-либо конечного представляющего существа, но, с другой, всегда необходимо хоть какое-то представляющее существо. Кант говорит, что познание невозможно без чувственности, мы познаем только на основе опытных явлений, а способ данности явления в опыте зависит от того, как устроена способность представления, то есть от различий между Богом, человеком и червем.

Так вот, мир не зависит от способности представления, но какое-то представление должно быть, включение в мир какого-то существа должно происходить, на основе этого включения должна строиться созерцательная основа у данных существ. И вот, Кант говорит, что мир, независимый от способности представления, действует не только как мир, лежащий вне меня, но и как лежащий и действующий во мне. Таким образом, проявление независимого мира существует во мне. Это некоторое действие, отличное от способности представления. Своей способностью представления я конструирую мир, как он дан мне извне, задаю ему условия созерцания. И этот же мир, но уже не так, как он задан в моей способности представ-

ления, а как мир, независимый от меня, действует во мне. Что-то действует во мне, и это что-то я могу испытывать трансцендентально, брать их символически, косвенно. Если мы это действие пытаемся представить непосредственно, то есть берем его как предмет познания, мы порождаем условия и ограничения своего способа эмпирического представления, – и попадаем тем самым в круг. Но мы можем ввести символы, символически пользоваться действующим во мне миром. Это трансцендентальные идеалы разума. Трансцендентальное отражение мира, находимого в виде действия в себе («непостижимое сверхъестественное внутренне воздействие»), и есть трансцендентальное сознание. Это не сознание, которое существует эмпирически, и не обобщение множества эмпирических сознаний, а совсем иная абстракция: трансцендентальное отображение себя, то есть чего-то в себе, независимое от меня и составляет, или из этого составляется трансцендентальное сознание.

Список литературы References

1. Длугач Т.Б. От Канта к Фихте: Сравнительно – исторический анализ. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2010.
Dlugach T.B. Ot Kanta k Fikhte: Sravnitel'no – istoricheskiy analiz. – М.: «Kanon» ROOI «Reabilitatsiya», 2010.
2. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: В 8-ми томах. Т. 3. – М.: Чоро, 1994.
Kant I. Kritika chistogo razuma // Sochineniya: V 8-mi tomakh. T. 3. – М.: Choro, 1994.
3. Мамардашвили М. Кантианские вариации. – М.: "Аграф". 1997.
Mamardashvili M. Kantianskiye variatsii. – М.: "Agraf". 1997.
4. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. – М.: «Русское феноменологическое общество», изд-во «Логос», 1997.
Khaydegger M. Kant i problema metafiziki. – М.: «Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo», izd-vo «Logos», 1997.
5. Heidegger M. Der Satz vom Grund. Pfullingen, G.Neske, 1958.
6. Heidegger M. Vom Wesen der menschlichen Freiheit. Einleitung in die Philosophie / Gesamtausgabe. Bd.31. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann. 1982.